

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора филологических наук, доцента Поповой Галины Евгеньевны о
диссертации Ларисы Евгеньевны Ильиной
«Диахроническая семантика постфольклорного текста»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических
наук по специальности 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика (Майкоп, 2025, 403 с.)

Рецензируемое диссертационное исследование выполнено в русле диахронической семантики текста и направлено на анализ факторов, определяющих функциональную специфику «постфольклорного» текста.

В центре внимания Л.Е. Ильиной находится категория «рассеивания» смысла речевого произведения, рассматриваемого в диахронической и функциональной динамике. Данная категория интерпретируется как речезыковой и культурологический феномен, относящийся к когнитивно-семиотическим универсалиям, характеризующим вторичные знаковые системы. Такая намечаемая работой перспектива представляется **актуальной** в силу доминирования в современной социальной коммуникации вторичных текстов с неопределенной семантикой, намеренно предполагающей расходящиеся интерпретации. По сути, работа развивает **актуальное направление** исследования механизмов смыслообразования в перспективе формализации их семантико-лингвистической фиксации, имеющей несомненную теоретическую, сравнительно-сопоставительную и прикладную значимость.

Детально анализируя состояние изученности данной проблемы, автор выявляет пути дальнейшего исследования и намечает стратегию их комплексного, всестороннего рассмотрения в приложении к достаточно неопределенной и разнородной категории «постфольклорного текста» в её различных жанровых реализациях.

Трактовка понятия ТЕКСТ в работе чрезвычайно широка. Под текстом здесь, по всей видимости, понимается любой *результат восприятия* семиотического объекта как *смыслового трансфера*, оформляющегося в когнитивной системе реципиента в виде *смыслового произведения*.

К такому заключению приводят данные в работе определения текста, включающего, помимо лингвистической ипостаси, результаты материальной деятельности и прочие смыслообразующие стимулы в виде натурфактов и артефактов, таких как «тактильные конструкции и поведенческие практики» (с. 3 автореферата и др.).

Новизна исследования состоит в попытке представить формальный способ овеществления динамики смыслообразования посредством её формализации через материализацию так называемых «семантических потерь» посредством диахронического монопольного и межъязыкового сопоставления текстового материала. Для этого автор вводит понятие «хронотопного перевода» как механизма и средства материализации

«семантических потерь», которые в совокупности составляют, по мнению автора, «рассеивание смысла» текста.

Обоснованность такого рассмотрения заключается, на наш взгляд, в выдвинутой в свое время идее Романа Jakobson о «внутреннем переводе», который в его представлении служит основой осмысления речезыкового сообщения в процессе его восприятия. Впоследствии в когнитивных исследованиях в рамках инференциальной модели коммуникации этот механизм, как известно, стал рассматриваться как интерпретативное смыслообразование, или просто *интерпретация*.

Обоснование термина «рассеивания смысла» лежит в упоминаемом автором понятии *différance*, возникшем в работах Жака Дерриды, имеющем крайне неопределенное и спорное понимание и наименование в русских переводах – «различие / различание» и проч.

На самом деле, меняя орфографию французского слова *difference* («различие, разница»), Ж. Деррида писал о том, что следует отличать «различие» как *результат* от *процесса* «различения» (или «различания»). Другими словами, *различие* очевидно, так как имеет конкретные, *внешние* дифференциальные признаки. «*Различание*» – внутренний процесс понимания *недискретных семантических отличий* в интерпретации внешне идентичного самому себе семиотического объекта. Такое понимание внутренней смысловой вариативности связано с множеством факторов, среди которых первым, несомненно, является объем когнитивной базы реципиента, способного или неспособного замечать, понимать и оценивать такие внутренние различия.

Однако, по мнению Л.Е. Ильиной, главными *объективными* факторами, определяющими понимание смысла, являются обобщенные «время, место, условия» – диахроническая семантика и пространственно-исторический контекст. Отсюда применение в диссертации бахтинской категории «хронотопа» и термина «хронотопный перевод» как процесса выявления внутренних семантических флуктуаций – различий, деформаций и смысловых лакун («потерь») в процессе понимания текста, то есть *объективно детерминированного* рецептивного смыслообразования.

Объектом исследования выступает «постфольклорный текст как семантическая система речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных конструкций, поведенческих практик, поддающихся множественным интерпретациям».

Предметом исследования является «диахроническая семантика постфольклорного текста как актуализация феномена изменения смыслов под влиянием временных, пространственных, культурных, субъязыковых и возрастных факторов».

Целью исследования становится разработка «концепции интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста».

В связи с заявленной целью в работе решается серия задач, направленных на определение сущностно-семиотической и когнитивно-

коммуникативной природы феномена рассеивания смысла и обоснование понятия хронотопного перевода в преломлении к диахроническому анализу семантики и функциональных особенностей постфольклорного текста.

Их решению призвана способствовать значительная теоретическая база исследования, основу которой составляют фундаментальные труды классиков отечественного и зарубежного языкознания по проблемам теории текста, диахронической семантики, психолингвистики и др.

Оценка содержания диссертации. Структура диссертации ориентирована на освещение предмета и задач исследования. Рецензируемая работа состоит из введения, пяти глав, которые завершаются выводами, заключения и списка научной литературы, насчитывающего 494 наименования трудов на русском и иностранных языках. Параграфы внутри глав призваны раскрыть необходимые, с точки зрения автора, аспекты избранной темы; сопровождающие текст иллюстративные материалы (24 рисунка, 46 таблиц) предназначены для обобщения и формализации результатов соответствующих этапов исследования.

В первой главе «Теоретические и методологические предпосылки исследования диахронической семантики постфольклорного текста» (с. 22–66) рассматриваются методологические основы анализа, позволяющие автору дифференцировать диахронию языка и диахронию речи, рассмотреть «смысл слова» в качестве единицы диахронической семантики, представить категорию рассеивания смысла как объект изучения лингвистики, определить функционирование данной категории в тексте. Проведенный анализ теоретических положений в работах многочисленных авторов приводит Л.Е. Ильину к следующим утверждениям: 1) диахронический анализ позволяет «изучать смыслы, заложенные в текстах на определенном временном отрезке, предполагая, что <...> смыслы неоднократно качественно меняются» (с. 31); 2) «представленные в тексте слова сами по себе не воссоздают смысла. Смысл текста возникает благодаря использованию невербальных средств в вербальном тексте <...>, семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении» (с. 38); 3) текст «несет в себе сложную сеть потенциальных смыслов, расходящихся и перекрещивающихся таким образом, что окончательное и единственное толкование становится невозможным» (с. 50); 4) «в дискурсивных исследованиях энтропия может отражать степень неопределенности и вариативности в использовании языка, связанных с влиянием прагматических факторов, таких как контекст, социальные нормы и индивидуальные особенности» <...>, «энтропию в языковых системах можно рассматривать как индикатор их творческого потенциала» (с. 66).

Во второй главе «Семантико-типологическая характеристика постфольклорного текста» (с. 67–139) диссертант дает определение постфольклорного текста, рассматривает ценностное лингвокультурное содержание постфольклорного текста, осуществляет классификацию постфольклорных текстов на основе жанровых особенностей, выявляет семантические коды постфольклорных текстов, раскрывает особенности

функционирования постфольклорного текста. Особого внимания заслуживают положения автора о том, что 1) постфольклорный текст отличается от фольклорного и других текстов рядом характеристик, как то: временные рамки (с конца XIX века); «постфольклорный текст не является произведением официально санкционированной (элитарной) культуры»; постфольклорный текст – явление культурологически и этнологически детерминированное, несущее в себе высокий ценностный потенциал с амбивалентной аксиологией, позволяющей рассматривать его с точки зрения нравственной и речезыковой нормы (с. 75 и след.). При этом нарушение нормы приравнивается к «патологии языка и речи» (с. 82), ярким проявлением которой, по мнению автора, выступает «инвективная лексика» (с. 82 и след.); 2) «постфольклорные тексты не существуют в виде чистого репертуара текстов или обрядовых действий» (с. 71), отличаются полимодальностью, включая в себя, помимо лингвистического компонента, «артефакты», «поведенческие практики» и тактильные конструкции» (с. 91–93); классификация жанров «постфольклора» представлена в виде обобщающей таблицы «больших и малых» жанров (с. 99–105).

После подробного изложения различных концепций, автор приходит к констатации того, что постфольклорный текст отражает все выделенные Ю.М. Лотманом «коды культуры» и обладает всеми главными инвариантными характеристиками текста (И.Р. Гальперин и др.) (с. 111–137). В частности, выделяются такие свойства, как *анонимность*, *саморефлексивность*, *ненормативность*, видимо, как ингерентные жанрообразующие характеристики постфольклорного текста (с. 176, 187).

Глава третья диссертации «Особенности рассеивания смысла постфольклорного текста» (с. 140–173), отражающая главный концептуальный тезаурус диссертационного исследования, посвящена феномену рассеивания смысла, в частности, его пропозициональной обусловленности, целесообразности применения метода оппозиции как способа изучения рассеивания смысла, анализу феномена энтропии в преломлении к постфольклорному тексту и выведению механизма, именуемого «хронотопный перевод», как алгоритма преодоления рассеивания смысла постфольклорного текста. Для выявления феномена рассеивания смысла в диссертации предлагается «метод пропозиций», предназначенный, как известно, для «восхождения» к логико-концептуальному содержанию высказывания, абстрагируясь от конкретных речезыковых средств и модальностей реализации абстрактного пропозиционального смысла. В таком представлении «метод пропозиций», по мнению Л.Е. Ильиной, эффективен в представлении полимодального содержания текста, но «не позволяет проследить изменения смысла во времени и тем более, измерить эти изменения» (с. 148). Для этого диссертант предлагает использовать «метод текстовой деконструкции и бинарных оппозиций», опирающийся на некоторые общие представления о соответствующих категориях постструктурализма, в частности, в концепции Ж. Дерриды.

Такой модифицированный метод в трактовке автора диссертации позволяет не только провести «анализ взаимодействия оппозиций и возможность инверсии или дестабилизации» смысла», но и осуществить «анализ семантического разнообразия текста», включающий качественный параметр («анализ контекста использования ключевых слов и фраз с оценкой их многозначности и потенциала для различных интерпретаций») и количественный параметр («частотный анализ слов») (с. 149).

Количественный анализ, представленный в третьей главе, выполняет инструментальную функцию, состоящую в определении содержательной «энтропии текста». Автор предлагает связать степень энтропии с количеством потенциально возможных интерпретаций с опорой на семантическую вариативность лексико-грамматических элементов текста, основанную на языковой и контекстуальной полисемии (с. 155–157).

В последнем параграфе третьей главы автор предпринимает попытку обосновать вводимый им термин «хронотопный перевод».

В целом, в трактовке автора, термин «перевод» представляется не столько как понимание и интерпретация, то есть как «внутренний перевод» в теории Якобсона, сколько как чисто техническое формальное преобразование текста источника в текст-цель с опорой на понятийный инструментарий, содержащийся в фундаментальных положениях транслатологии (*эквивалентность, семантические потери, компенсация, переводческое решение, переводческий комментарий* и др. – с. 159–170, 248).

Такая трактовка, по нашему мнению, сужает *проблему рассеивания смысла* как проблему множественного интерпретативного смыслообразования, сводя её к «канонам» переводоведения с единственной целью – представить «рассеивание смысла» через узкое, техническое понимание термина «перевод», концентрируясь на необходимых автору понятиях лакунарности и «семантических потерь». Как следствие возникает типология «потерь» (семантические, стилистические и культурные), позволяющая, на самом деле, приравнять мооязычный перевод, то есть процесс понимания и интерпретации постфольклорного текста, к его переводу на иностранный язык. Так возникает, в терминах автора, «модель хронотопного перевода постфольклорного текста на язык нового времени и/или пространства в условных границах *одного языка* или *любых языковых пар*» (с. 173).

При этом понятие «*хронотопного перевода*» представляется универсальным механизмом «преодоления рассеивания смысла», то есть интенциональным средством компенсации потенциальных или актуальных смысловых лакун во «внутреннем» и «внешнем» переводе.

В четвертой главе «Способы и механизмы изучения рассеивания смысла постфольклорного текста» (с. 174–242) описывается методика лингвистического анализа постфольклорных текстов, включающая этимологический анализ, психолингвистический эксперимент, корпусный и контекстный анализы, лингвокультурное анкетирование.

Рассматривая текстовый материал, диссертант опирается на «интерпретативный метод», ориентированный в диссертации на выборочные разноуровневые семантические характеристики – от понятия лексико-семантического варианта (этимологический анализ) до риторико-стилистических тропов и фигур (контекстуальный анализ, скрытые смыслы, ирония).

По результатам эксперимента, описанного с приведением многочисленных таблиц (сс. 214–224), делается вывод о том, что «понимание смысла постфольклорных текстов, построенных на инвективной лексике, не изменяется со временем. Это можно объяснить универсальностью и доступностью инвективной лексики, поскольку эта лексика (просторечные выражения, сленг, жаргон) часто ближе к повседневной речи, которую используют повсеместно. Смыслы инвективной лексики понятны большинству людей независимо от их возраста, образования или социального статуса» (с. 226), а также, по мнению автора, «инвективная лексика, характеризующаяся однозначностью, стабильностью, системностью, менее подвержена процессам рассеивания смысла; было установлено, что инвективная лексика равноценна поступкам (перформативам)» (с. 242).

На анализе и своем видении данных положений мы остановимся ниже.

В пятой главе «Динамическая модель хронотопного перевода постфольклорного текста» (сс. 243–342) разрабатывается функциональная динамическая модель хронотопного перевода «в условных границах одного языка (русского)» и «в условных границах языковых пар» (французский, английский и испанский языки). Основное внимание обращено на вскрытие потенциальных и актуальных «смысловых потерь» при восприятии «постфольклорного текста», связанных с рядом критериев: «позиции/степень временной удаленности, позиции пространственной удаленности, степень культурных различий» и др.

Процедура хронотопного перевода, представленная в анализе примеров, сводится к следующей схеме: «исходный текст – конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода) – определение степени утраты смысла – переводческий комментарий» (с. 260 и след.).

В межъязыковом переводе схема «хронотопного перевода» усложняется: «исходный текст на языке оригинала – конечный текст на языке оригинала – исходный текст на языке перевода – конечный текст на языке перевода» (рис. 4 на с. 37 автореферата, с. 301 диссертации). Глава завершается выводом, обогащающим теорию перевода: «На примерах постфольклорных текстов разных жанров показано, что семантические потери при межъязыковом переводе возникают из-за различий в лексике, грамматике, культуре и контекстах. Эти потери неизбежны, потому что каждый язык имеет свои особенности, и иногда точный перевод невозможен без искажения смысла» (с. 345).

В Заключении (сс. 346–354) подводятся итоги исследования и повторяются основные положения и выводы, сформулированные в процессе диссертационного изложения.

Необходимо отметить, что диссертант широко цитирует авторов современных лингвистических теорий, аргументируя исходные теоретические посылы своего исследования, предлагает собственную интерпретацию ряда лингвистических проблем применительно к изучаемому материалу, разрабатывает сложный комплексный подход, позволяющий, по его мнению, адекватно и непротиворечиво описать изучаемый объект.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается его методологией, базирующейся на сложном комплексном анализе фактического материала с использованием как традиционных, так и инновационных методов, отмеченных автором: психолингвистический эксперимент и анкетирование, метод лингвистического моделирования, метод этносемиотрии, приемы математической лингвистики и компьютерной графики.

Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом автора в углубление представлений о феномене интерпретации и смыслообразования.

Предложенная автором концепция «хронотопного перевода» постфольклорного текста открывает возможности для дальнейшего развития теории интерпретации и ее семантической записи, а выделенные в процессе анализа характеристики «хронотопного перевода» как категории, отличающейся внутри и межъязыковой универсальностью, множественной типологией, градуальностью, раскрывают системную организацию алгоритма интерпретации и тем самым способствуют обогащению не только лингвистики текста, но и междисциплинарной теории смысла. Рассмотрение смысловых потерь как основы интерпретации и смыслообразования вносит несомненный вклад в разработку теории языкового и дискурсивного значения. Предложенная автором методика определения градуальных признаков лакунарности постфольклорного текста и технология их анализа обогащают методологическую базу и исследовательский инструментарий современного отечественного языкознания.

Практическая ценность диссертации обусловлена возможностью использования ее результатов в дальнейшем исследовании параметрической модели текстовой семантики, семасиологической перспективы сопоставительного исследования текста, в изучении манифестации семантической лакулярности в других видах текста и дискурса. Дидактическая значимость исследования состоит в возможности применения результатов данного исследования в курсах лингвистики текста, сравнительной типологии английского, французского, испанского и русского языков с целью развития у обучающихся навыков переводческого анализа, проникновения в имплицитное содержание текста, формирования навыков сопоставительного лингвокультурологического анализа.

В то же время, как всякое объемное исследование, диссертация Л.Е. Ильиной дает основания для некоторых вопросов и замечаний:

1. Несколько вопросов касаются категориального аппарата исследования, а именно, категории постфольклорного текста:

а). Каковы, все-таки, главные ингерентные черты, отличающие постфольклорный текст прежде всего от фольклорного текста и других типов текста? Если это только временные рамки, как это отмечается в диссертации («с конца XIX века по настоящее время»), то почему на с. 187 говорится, что «временная удаленность анализируемых текстов по отношению к настоящему моменту составляла от 50 до 300 лет»?

б). Как при различении фольклора и постфольклора «работает» феномен *различания*, например, почему приводимая в таблице 4 с. 33 автореферата частушка рассматривается не как фольклорный, а как постфольклорный текст?;

в). Как понимается свойство «саморефлексивности» постфольклорного текста, совпадает ли оно с аутореферентностью языкового знака, например, в терминах Франсуа Реканати – *singe sui-référenciel*?;

г). Как определяющее свойство постфольклорного текста *анонимности* совмещается с включением в эту категорию авторских текстов, например, стихотворения А. Барто «Жук», других авторских литературных произведений?;

д). Не противоречат ли друг другу суждения: «постфольклорный текст не призван удовлетворять фундаментальные идеологические потребности населения». (с.с. 70–71) и «постфольклорные тексты являются реакцией на актуальные проблемы современного общества и другие социальные, политические и культурные события» (выводы на с. 139);

е). Какими основаниями руководствовался диссертант, включая в категорию текста «тактильные конструкции»? Можно ли привести пример таких конструкций в рамках постфольклорного текста?

2. Трудно согласиться с трактовкой *патологии*, словами автора, «языка и речи».

Автор причисляет к патологии «языка и речи» категорию инвективной лексики, понимая её в обобщающем значении, включающем обценную, табуированную и сниженную лексику.

Тем не менее, во-первых, принято различать оскорбления, направленные в чей-то персональный адрес – *инвективы*, и ненаправленные эмоциональные междометные ругательства – *эксплетивы*, и их природа и функционирование принципиально отличаются. В приводимых в диссертации примерах преобладают как раз ненаправленные эксплетивы (с.с. 84, 210, 277 и др.).

Во-вторых, сниженная лексика или лексика, получившая отрицательную коннотацию, не всегда однозначно инвективна. Например, *свинья* и *осел* могут просто обозначать животных в своем первичном лексическом значении. Даже такие лексемы, как *свинство* и *дилетантизм* при всей своей отрицательной аксиологии могут не иметь инвективного

статуса, например: «Иногда дилетантизм граничит с нечистоплотностью, а иногда это настоящее свинство». В этом употреблении, имея негативную аксиологию, они не выражают речевую агрессию, не направлены на кого-то персонально, то есть не инвективны и не перформативны. Но даже в инвективно-перформативном употреблении любая неконвенциональная и ненормативная лексика вряд ли относится к патологии речи в обычном, нейрофизиологическом её понимании. Думается, что в отношении нарочито грубой, обценной лексики, табуированным является их употребление в публичной речи с точки зрения речевой культуры и нравственности, но говорить о патологии речи, а тем более языка, представляется некорректным, как и утверждать, что «одним из проявлений патологии языка и речи в лингвокультурном контексте является наличие *инвективной лексики*» (с. 82).

3. Третье, вытекающее из предыдущего, замечание касается гипотезы эксперимента и его выводов. В основу психолингвистического эксперимента легла гипотеза о том, что *«инвективная лексика менее подвержена процессам рассеивания смысла (при каждом новом обращении к постфольклорным текстам, содержащим инвективную лексику в рамках одного языка, выполнение хромотопного перевода не требуется)»* (с. 203).

По результатам эксперимента в диссертации делается вывод: *«Инвективная (ненормативная) лексика, как и термины, характеризуется однозначностью, стабильностью, системностью и поэтому обладает минимальным рассеиванием смысла. При каждом новом обращении к постфольклорным текстам, содержащим инвективную лексику в рамках одного языка, выполнение хромотопного перевода не требуется»* (с. 8 автореф.).

Как было показано выше на лексемах *осел* и *дилетантизм*, «инвективная лексика» далека от однозначности. Более того, именно на неоднозначности, как это не раз показано в работе, строится языковая игра в «постфольклорном» тексте, в том числе на основе инвективного и эксплетивного употребления соответствующих лексем. Об этом свидетельствует пример демотиватора на с. 277: *«В зависимости от интонации одно матерное слово автомеханика Петрова может означать до 50 различных деталей и приспособлений»*. Неоднозначность есть ингерентное свойство междометных эксплетивов, выполняющих функцию интеракционального дейксиса, получающего свою референцию только в момент произнесения в конкретной речевой ситуации. В диссертации этому также есть пример на с. 84:

«– Был я, мамань, в Париже, залез на Эйфелеву башню... Видно хорошо... Посмотришь налево – твою ж мать... Посмотришь направо – твою ... Обернешься – твою... Да что ж ты плачешь-то, маманя?»

– Ой, Вань, да красиво-то как... (Анекдот конца XIX века)».

Отсюда вытекает вопрос: каковы основания выдвижения упомянутой гипотезы об однозначности «инвективной лексики» и вывода по итогам проведенного эксперимента?

4. Рождает сомнение в обоснованности трактовка понятия пропозиции в некоторых методологических рассуждениях и текстовом анализе, представленном в диссертации. Справедливо определяя пропозицию как абстрактное содержание, как концептуальную модель, которая не зависит от конкретной языковой реализации (с. 42), диссертант, тем не менее, отождествляет пропозицию, с одной стороны, с грамматическим и коммуникативным типом предложения и его элементов, смешивая ономаσιологический и семасиологический аспекты пропозиционального подхода. Например, на с. 143 утверждается: «Пропозиция (1) представляет собой восклицание, содержащее оттенок ностальгии, удивления или обреченности» (с. 143), но, как известно, пропозиция не может выполнять функции речевого акта. Семасиологически высказывания различной иллокутивной силы «Петя пришел»; «Ура!/Ай/Увы, Петя пришел»; «Петя пришел?» – имеют одну пропозицию [приход Петра]. Ономаσιологически одна пропозиция может иметь различные модальные способы актуализации. Поэтому не вполне корректна следующая формула: «Пропозиция (5) передает просьбу о помощи, что подчеркивает серьезность ситуации и беспомощность агенса 1, вероятно, ребенка» (с. 147). Утверждение «Пропозиции подвержены полисемии, они могут иметь несколько возможных смыслов или интерпретаций» (с. 142) противоречит самой природе пропозиции, так как пропозиция и есть абстрактный смысл как результат интерпретации. Полисемия ведет к *умножению* пропозиций. С другой стороны, пропозициями в диссертации называются структурные отрезки высказывания – предложения или текста: «В представленном тексте выделены следующие <четыре> пропозиции: (1) *Эх, ланти мои* (2) *Четыре оборки!* (3) *Хочу – дома заночую,* (4) *Хочу – у Егорки*» (с. 142).

5. Несколько вопросов касаются категории хронотопного перевода:

а). Автор разделяет «хронотопный перевод» и «традиционный перевод», рассматривая первый как происходящий «на языке оригинала» процесс смыслового анализа. Возникают два вопроса в одном: имеет ли понимание или смысл языковую принадлежность в виде русского или французского, английского и т. д. смысла, и как в таком случае трактуется вводимое автором понятие «условные границы языка»?

б). Если на стадии «хронотопного перевода» происходит, по мнению автора, «обращение к справочной литературе или проведение этимологического, корпусного и контекстного анализов» (с. 302), можно ли приравнять хронотопный перевод к предпереводческому анализу? Какова в таком случае эвристическая ценность этого нового вводимого в диссертации понятия, если «хронотопный перевод» это не что иное, как превращение «чернового варианта» в окончательный текст перевода (с. 302)?

в). Какова типология хронотопного перевода, если в одном случае «исходный текст» отличается от своего «хронотопного перевода» лишь тем, что в «перевод» происходит парафраз лексических единиц неясной семантики (полисемия, расширение / сужение / утрата значения, языковая или контекстуальная омонимия и т.д.) (напр., табл. 4, с. 33 автореферата и

др.). В другом случае «хронотопным переводом» называется метаязыковая экспликация «Пешком постою – отказ от предложения сесть» (табл. 5, с. 34 автореф.). В третьем случае «хронотопным переводом» называется поэтическая стилизация – пародийная интертекстовая аллюзия, построенная либо на ритмике, либо на тематических и лексических прецедентных элементах (табл. 6, с. 34 автореф.; табл. 17, сс. 268–269 дисс.). В этом случае экспликация и парафраз отсутствуют, а «хронотопным переводом» считается сам вторичный «постфольклорный» текст. Можно ли представить различные типы хронотопного перевода?

г). Автор опирается на аппарат современной транслятологии, в частности, на упоминаемое в тексте диссертации понятие *эквивалентности* перевода. При этом остается за текстом диссертации объяснение, как определяется эквивалентность и адекватность самого «хронотопного перевода», например, случаи ложной этимологии, незнание прецедентных феноменов, непонимание истинного смысла исходного высказывания. Возникает вопрос: что обеспечивает адекватность и релевантность реализации главной функции «хронотопного перевода» – преодоления рассеивания смысла из-за временных и пространственных различий исходного и целевого текстов?

б. Как в диссертации понимается и применяется метод этносемиометрии, предложенный Е.Ф. Серебренниковой как метод выявления *глубинной контекстуальной аксиологии*?¹ В тексте диссертации об этносемиометрии говорится как о методе **этимологического** анализа (с. 189), «поскольку обращение к этимологическим словарям *позволило получить исчерпывающий ответ о происхождении анализируемых слов, их производных и ближайших родственниках*» (с. 241).

Следует, однако, отметить, что поставленные вопросы носят дискуссионный характер, а указанные замечания не снижают общую высокую оценку данной диссертации.

Диссертация Л.Е. Ильиной является самостоятельной завершённой научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований содержится решение научной задачи, направленной на системное описание феномена рассеивания смысла в неконвенциональных текстах. Автор демонстрирует мощную лингвистическую эрудицию, позволяющую апеллировать к сложной научной проблематике и при этом конструировать собственные оригинальные подходы к вопросам теоретической и аналитической лингвистики.

Научная обоснованность положений диссертации и ее выводов обусловлена глубоким теоретическим анализом объекта исследования,

¹ Серебренникова Е.Ф. Семиометрия как способ аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология. этносемиометрия ценностных смыслов / Ред. Е.Ф. Серебренникова. Москва: Тезаурус, 2024. – С. 41–48.

репрезентативным количеством яркого иллюстративного материала, оригинальностью и тщательностью его обработки.

Все намеченные в работе задачи решены, заявленная цель достигнута, выдвинутая автором основная гипотеза доказана, теоретические положения убедительно аргументированы. Диссертация четко структурирована, её текст изложен логично и последовательно.

Публикации автора по теме исследования и автореферат полностью отражают основное содержание рецензируемой диссертации. Общее количество печатных работ – 46 (из которых 3 монографии, 16 работ, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки, 1 статья в издании научной базы Web of Science, 26 работ – в сборниках научных трудов и материалов конференций) – свидетельствует о регулярном и широком апробировании результатов проведенного исследования.

Работа Л.Е. Ильиной выполнена на высоком научном уровне. Она полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук (п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842), а её автор, Ильина Лариса Евгеньевна, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук (5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика),
доцент, профессор кафедры
«Иностранные языки и речевая коммуникация»
ФГБОУ ВО «АГТУ».

E-mail: geropova@mail.ru

15.09.2025 г.

 / Галина Евгеньевна Попова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный технический университет» (ФГБОУ ВО «АГТУ»), 414056, Астраханская область, г.о. город Астрахань, г. Астрахань, ул. Татищева, стр. 16/1. Тел.: 8(8512) 614-544, 8(8512) 614-552. <https://astu.ru/>.

